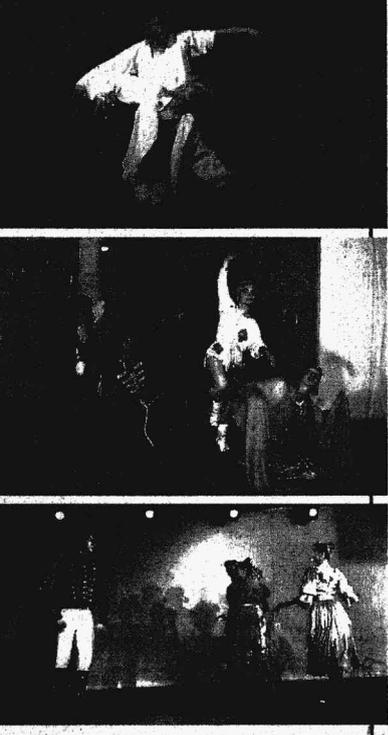

Ул. Новая Басманная, 25/27, стр. 2
Телефоны: 261-76, 010-320
Факс 261-06-92

ПОСЛЕДНИЙ ТАЛАНТЛИВЫЙ ПЛАСТИЧЕСКИЙ ИСКУССТВЕ

Анна Чернова
1936-30 ноября 1992
Прозрачные спектакли
Будут показаны на Рождество —
оначала в Париже, затем в Москве.

Московский музыкальный театр пластических искусств
из числа молодых. Первые зрители он принял в 1985 году
(будущий театр-студия), а в 1991 получил статус государ-
ственного. Соплатили его — заслуженная артистка России,
лауреат Международного конкурса пантомимы в Берлине Анна
Чернова и ее партнер — заслуженный артист России Сергей
Старухин.

Появление такого коллектива — это, по сути, рождение целого направления в театральном искусстве, уникальность которого заключается в синтезе жанров пантомимы, классического и современного балета, свободного пластического движения и музыки. То, что актеры делают на сцене, можно назвать пластическим прочтением музыки, позволяющим зрителю по-иному осмыслить, ощутить ее образность.

Все спектакли театра — авторские, не имеют аналогов в мире и не похожи один на другой. Объединяет их лишь одно — Любовь, которая предопределяет говорить языком музыки, танца и поэзии. Любовь, которая предопределяет над простыми бытия, превращая жизнь в праздник.

Традиционно для театра обращение к ценностям мировой отечественной и мировой культуры, великим, незаслуженно забытым или умышленно замалчиваемым авторам. Это едва ли не единственный театр страны, на сцене которого исполняются вальсы-альбомы А. С. Грибоедова, «Трустив вальс» Сибирякова, красавишки, идиоты угнетенные как явление культуры исторические танцы алендына, бразиль, павана-менует, шаком... Здесь был поставлен «Орфей» — музыкальная трагедия русского композитора Евстигнея Фомкина с античной репризой Якова Киселина, написанная на рубеже 18-19-го веков. Языком пластики решена музыка признанного композитора современности Алфреда Шнитке, по-своему оригинально поставлены пластические композиции по мотивам скульптуры Опуса Родена. И титан король павлов «северный романс» Игоря Северянина, поставленная музыка, и музыкальные пластические сцены и танцы возвращаются к зрителю во всем своем блеске именно с этой сцены.

Детские представления здесь обращены к истокам русской национальной музыкально-танцевальной культуры, к образам сказки и традициям Руси.

Импрессионистская свежесть, которой насыщены спектакли театра, естественно, вызывает непосредственность отклика собравшейся публики. В камерном, по-домашнему уютном зале театра Анны Черновой всегда праздник. Жизнь сливается с искусством, и искусство обретается жизнью.

Сегодня в репертуаре театра:
«Музыка и женщина, или Концерт для альта с оркестром» — пластическое действо в стиле авангардного драм-балета. Музыка Альфреда Шнитке.
«Сонеты для Терезы» — романтической синтез-балет в жанровой манере Игоря Северянина.
«Ваша величавость Жаннишка» — мюзикловый спектакль с напевными, словами Марины Цветаевой, певчим Булгае Окуджава.
«Треск сафари» — фантазия о любви на музыку современных композиторов в стиле джаз-рок-блюз.
«Городской романс» — иронические изыски в «нижгородско-французском» стиле.
«Жили-были» — детский танцевально-музыкальный спектакль по русским народным сказкам с разговорными и обрядовыми действиями.
Готовится к выходу новый спектакль «Libera me, Domine...» (впервые в мире), объединяющий пять сюжетов не только в театральном жанре Москвы. Это пластический балет по мотивам японских пьес Ивана Мейерхольда «Адам и Ева», «Сад земных наслаждений» и «Страшный суд», поставленный на музыкально-поэтическое произведение Вячеслава Артемьева «Реквием».

На снимках: сцены из спектаклей
Фото А. Лоскутова.

ПЕРСЕП ПАРСО И ДОБРОВАТ ЕТО СТОЯТ — ИСКРЕННЕЕ ЧУВСТВО

Это было в самом начале в театро-жизни пути, когда в числе студентов Циркового училища Анна Чернова и ее партнер демонстрировали свое искусство зрителям французскому иному. И айдосименты Марсо стави признания того, что перед ним не робкие ученики, а юные мастера, свободны и вдохновенно вызывавшие к жизни образы древней и вечно юной пантомимы.

Потом были первые залы иностранных зрителей по всей стране и за рубежом. Заслуженный проза назвала в «Чуждой» актрисой современного танца и «античной богиней». Москва знает ее по Театру на Таганке, где почти в каждом спектакле появлялась гибкая фигура Анны Черновой. Она создавала своей пластической яркой образы и символы, вносящие живую струю в режиссерские замыслы Юрия Любимова.

Сегодня Анна Чернова — заслуженная артистка России, лауреат Международного конкурса пантомимы в Берлине, художественный руководитель и солистка Московского музыкального театра пластических искусств, безусловно, является нестандартным и выдающимся талантом, создающим новое творческое направление в мире театра.

— Анна Артуровна, вы описываете человека. Когда все мы буквально утопаем в потоке красных красок о страданиях и любви, о душе и духовности, вам удалось найти свой особый язык для передачи зрителю об этих вещях

ТАНЦЫ ВПЕР СОВЕТАМИ СЕБЕ ВЫСОКОЮ ЭСТЕТИКОЮ ПЕТА И ДУХОВНОСТЬ ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА

— Говорит автор и постановщик спектаклей, ведущий солист театра, заслуженный артист России Сергей Старухин.
Сергей Георгиевич, все спектакли сегодняшнего репертуара — авторские. Чем прославитесь такая исключительность?
— Уникальностью жанра, в котором мы работаем. Мы не ставим себе целью спроектировать для сцены какое-либо художественное воплощение. Мы берем за основу близкую нам идею, пытаемся создать в театре новую форму свободного сценического движения и, уже исходя из этого, решаем, какими видами пластических искусств будем ее выражать. Это может быть классический модери-балет, пантомимы или свободного пластика, либо синтез их, продиктованный идеей спектакля. Главное — это целостность, цельность, единство жанра. В отличие, скажем, от классического балета, где строго отработаны язык классической хореографии, определяющий высокую эстетику и зрительность этого вида искусства, у нас дви-

женностях. На сцене вы смеете и кричите, смеетесь и плачете... молча.

— Бывает молчание, говорящее больше, чем любые слова.
— В этом убеждаешься, любывая у вас в театре. Ваше искусство поистине уникально. Скажите, где вы ему учились?
— О у меня были прекрасные учителя — живопись, скульптура, поэзия, музыка. А потом судьба подарила мне встречу с великими мастерами: бывшим актером Театра Мейерхольда А. Л. Грипичем, педагогом по пластике И. В. Буровой, известным академическим режиссером С. А. Кауштелюном и, наконец, о основателе Театра на Таганке Ю. П. Любимовым, под руководством которого проработала более 20 лет. Так накапливался опыт, возникло множество идей, было сделано немало сценариев. Все это требовало воплощения.

— И рамки драматического театра стали узки для реализации ваших замыслов?
— Не то, чтобы узки. Я ведь и драматические роли играла, и сейчас в спектаклях моего театра мы используем и поэзию, и драматургию, но равно настало, насколько это необходимо.

— То, что вы делаете в своем театре, — новое направление отечественной пластики. А есть аналогичные в других странах?
— Насколько мне известно, нет. Там очень разные пантомимы, причем как классическая, так и авангардистская со сложной символикой. То, что делаем мы, — не условный театр, не театр умозрительных абстракций. Мы не заглядываем за кадр и ребуем, а просто играем жизнь, пытаемся средствами пластики передать чувства, близкие и понятные всем.

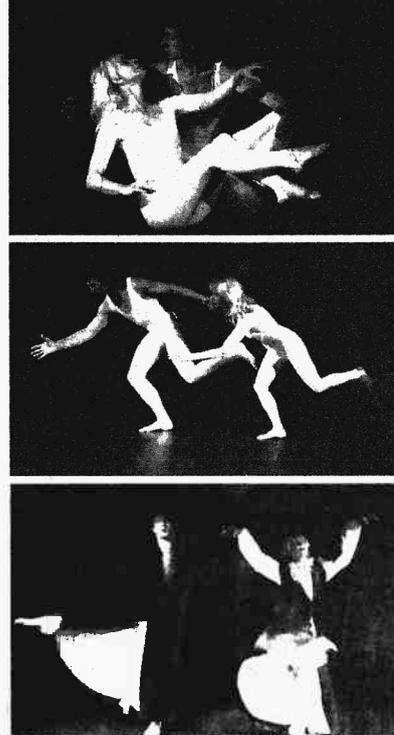
жение основывается на свободной пластике тела, выражающей человеческие чувства, и потому доступно и подготовленному, и неподготовленному зрителю. Кроме того мы стькими жадно делаем или еще сделать осмысленным, выражающим особую точно характер того или иного образа, заставляющим зрителя думать и сопереживать.

— Вы говорите «мы», подразумевая современность и единичность с художественным руководством театра Анной Черновой, основоположником творческого направления, в котором работаете. А каква ваша личная роль в создании спектаклей и на сцене?
— Я пришел в театр из цирка, которому был предан с детских лет и думал, что никогда с ним не расстанусь. Но так случилось, так повелосье жизнь. Поиняла и разделяла взгляды Анны Артуровны на музыку и пластику, многому у нее научившись, я принес и свой багаж. А он формировался и в школьной студии фигурного катания, и на занятиях хореографией и пантомимой в училище, на маневре и эстрадной сцене. У меня была достаточная двигательная база и опыт подготовки эстрадных, академических и оригинальных номеров, которые помогают мне сегодня находить не обычные принципы построения хореографии спектаклей и пластически решать их на сцене.

музыке, созвучные творениям Баха, Моцарта, Верди, Брамса, Дворжака. Музыка «Реквиема» красивая. В ней нет экстремальных средств воздействия на слушателя. Но в ней стьки глубина постижения избранной темы, точность художественных средств, искренность интуиции.

Историческая проекция темы произведения — безгранична, как беспредельна в земных критериях времени сюжет «Реквиема», — каждый может услышать его по-своему и в голоса скрипки, быть может, узнать свой голос — вопрошающий, скорбящий, рвущийся к небесам или вторичный небесной песни.

Новый спектакль театра — это своеобразное повествование о попытке человека вступить на путь покаяния, о его молитве, о пути его души, обращенной к Богу, повествование, исполненное веры в человека.

На снимках: А. Чернова, С. Старухин в новом спектакле
Фото А. Лоскутова.

ПРЕМЬЕРА «ЛИБЕРА МЕ ДОМИНЕ...»

Связь глубины века и тысячелетий трепетными сполохами на ветрах эпох бережно хранимое и безжалостно растаптываемое живое пламя человеческой надежды устремлено в бессмертие:

«Избави меня, Господи, от смерти вечной
Тот страший день!
Когда придет земля и небеса,
Когда придать судить род людской на муку огненных».

Но прежде, чем встать на путь покаяния, Человек — величайшее творение Бога — проходит predeterminedную судьбу долгого грешника, долгого, ведущего каясь тьму низменных страстей, злобы и жестокости, прелесть, атомизма, раздвоения души, в порыв и полноту ее утраты.

Возможно ли очищение от совершенных грехов? И сколь ты крест этого очищения? Рано или поздно эти вопросы встанут перед каждым.

В новом спектакле Московского музыкального театра пластических искусств «Libera me, Domine...» («Избави меня, Господи...») предпринята попытка соединить три истока, три самостоятельных осмысления человеческого пути — от рождения через грехопадение к очищению.

Иероним Босх, живший на рубеже мрачного средневековья и светлого Возрождения, стремился понять причины зла, царящего в современном ему мире. Ощущение трагической неустойчивости бытия, незащищенности человека, его греховности привели Босха к убеждению, что спасенная жизнь не что иное, как прямая дорога в ад. И это нашло прямое отражение в его творчестве, насколько пронизанном средневековым символизмом и разномыслию переходной эпохи. Алтарный триптих Босха — «Адам и Ева», «Сад земных наслаждений» и «Страшный суд» — одна из оставшихся частей нового спектакля. Ряд персонажей, образов, событий, привносящих на сцену, перенесен с полотна художника на сцену. Афоризмы и постановочные спектакли — заслуженные артисты России Анна Чернова и Сергей Старухин органично ввели их в свое сценическое повествование, основу которого составляют модуль-балет, пантомима, свободная пластика, выразительное сценическое движение и мастерство актерской игры.

В новом спектакле пять сцен. Некоторые из них близки и понятны зрителю, некоторые глубоко символически и требуют напряженной работы ума, сопереживания, личностных ассоциаций.

Безмерно, как жизнь, пространство сцены. Несподобный свету и пробивающийся снизу свет выхватывает из темноты скульптурно застывшие, слепящие в едином шарае два черных венецель существа. Из черной Адама рождается Ева. Они оба прекрасны, чисты, они часть природы. Они «дышат», как птицы, звери, рыбы, радуются солнцу, дождю, друг другу. Ева запылена на руках Адама как дитя. Жизнь начинается... А сколько в ней сначала просто обаяние, а потом — и низменных страстей... Беспредельный разгул похотливой любви завершается символическим опустошением, падением, припадком к оскверненной, изощренной невинности. Распутая за это — страшный суд:

«Ужас охватит и смерть, и природу...»
И из горящих в огне тел в мучительном крике и мольбе выражены души. Гонимые ветром, они еще не один раз будут обречены заново преодолевать свой путь покаяния, нравственно очищаясь, путь, ведущий к свету.

Пластическое творение одной из вечных тем наполнено философской символикой. Минимум декораций и реквизита, редкие смены трюк и хитонно, отсутствие речевого сопровождения не обнадят глубинного смысла спектакля. Мбо главное — не язык пластики, обладающий глубоким психологизмом и тонким лиризмом. Язык пластики не способен лгать и лицемерить. И, наконец, именно поэтому столь очевиден драматизм постижения героями истины, манящий и ускользающий.

Музыкальная основа спектакля «Реквием» Вячеслава Артемьева — одно из лучших произведений этого жанра в мировой